

А. В. Кулагин¹

*Государственный социально-гуманитарный
университет (Коломна, Россия)*

«ЧТО ЧИТАЕТЕ, МИЛОРД?» СЦЕНА ИЗ «ГАМЛЕТА» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКИХ ПОЭТОВ

В статье рассматриваются творческие отклики русских поэтов на сцену чтения из трагедии Шекспира «Гамлет» (акт II, сцена 2), где Гамлет появляется с книгой и беседует с Полонием о её содержании. Стихотворение Павла Антокольского «Трагедия» (1917) отражает переломный характер революционной эпохи; книга в руках Гамлета превращается здесь в «раздранную хартию», символизирующую крушение старого мира. Для лирического героя стихотворения Владимира Высоцкого «Мой Гамлет» (1972), чтение становится знаком неразрешимых жизненных вопросов, но с учётом позднейшей «Баллады о борьбе» (1975), развивающей данную тему, можно говорить о выходе поэта к мотиву чтения «нужных книг», позволяющего сделать достойный жизненный выбор. В стихотворении Александра Кушнера «Какую книгу он читал, об этом...» (2014) книга в руках Гамлета есть момент истины и откровенности героя, за которым угадывается и духовный опыт современного человека («и нас в беде поддерживала книга»).

Ключевые слова: У. Шекспир, Гамлет, трагедия, П. Г. Антокольский, В. С. Высоцкий, А. С. Кушнер, традиция, интерпретация

A. V. Kulagin

State Social and Humanitarian University (Kolomna, Russia)

“WHAT ARE YOU READING, MY LORD?” SCENE FROM “HAMLET” INTERPRETED BY RUSSIAN POETS

The article examines the creative responses of Russian poets to the reading scene from Shakespeare’s tragedy “Hamlet” (Act II, Scene 2), where Hamlet appears with a book and talks with Polonius about its contents. Pavel Antokolsky’s poem “Tragedy” (1917) reflects the turning point of the revolutionary era; the book in Hamlet’s hands here turns into a “torn charter,” symbolizing the collapse of the old world. For the lyrical hero of Vladimir Vysotsky’s poem “My Hamlet” (1972), reading becomes a sign of unsolvable life questions, but taking

¹ Анатолий Валентинович Кулагин – доктор филологических наук, профессор Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна, Россия).

into account the later “Ballad of Struggle” (1975), which develops this theme, we can talk about the poet’s approach to the motive of reading “necessary books” allowing you to make good life choices. In Alexander Kushner’s poem “What book did he read, about this...” (2014), the book in Hamlet’s hands is a moment of truth and frankness of the hero, behind which one can discern the spiritual experience of modern man (“and the book supported us in trouble”).

Keywords: W. Shakespeare, Hamlet, tragedy, P. G. Antokolsky, V. S. Vysotsky, A. S. Kushner, tradition, interpretation

Знаменитая пьеса Шекспира, при всей своей трагедийной целостности, в восприятии русского читателя поневоле расслаивается на серию хрестоматийных сцен, каждая из которых повлекла за собой целый шлейф поэтических откликов, собранных теперь в специальной антологии [Гамлет: вариации, 2012]. Это, конечно, монолог «Быть или не быть», сцена появления призрака отца, сцена мышеловки, сцена на кладбище (Гамлет с черепом Йорика)... К этому ряду можно причислить и сцену, в которой мы видим главного героя с книгой в руках (акт II, сцена 2). Напомним её в переводе Пастернака:

«Полоний. <...> Что читаете, милорд?

Гамлет. Слова, слова, слова.

Полоний. А в чём там дело, милорд?

Гамлет. Между кем и кем?

Полоний. Я хочу сказать, что написано в книге, милорд?

Гамлет. Клевета. Каналья сатирик утверждает, что у стариков седые бороды, лица в морщинах...» (и т. д.).

[«Гамлет» Бориса Пастернака, 2002, с. 93–94]

Здесь начинается странный на первый взгляд диалог – диалог с подтекстом, в котором Гамлет играет прямыми и переносными значениями, очевидными и неочевидными смыслами, целящими в царящую при дворе атмосферу лжи и приводящими Полония к умозаключению: «Если это и безумие, то по-своему последовательное» [«Гамлет» Бориса Пастернака, 2002, с. 94].

В нашей статье речь не пойдёт специально о крылатом выражении «слова, слова, слова» [Ашукин, 1988, с. 321], иронический смысл которого очевиден и которое в русской литературе обыгрывалось не раз («Из Пиндемонта» Пушкина, «Чайка» Чехова, «На дне» Горького...); откликнулась на него и поэзия двадцатого столетия – в лице Павла Антокольского («Гамлет»), Виктора Сосноры («Гамлет и Офелия») и других авторов. Выражение как бы отделилось от

конкретного шекспировского эпизода и зажило своей самостоятельной жизнью. Нас же интересует эпизод чтения как таковой и чтения как такового – его отражение в стихах русских поэтов.

Первый из них – уже упоминавшийся нами Павел Антокольский. На «гамлетовскую» сцену чтения он откликнулся в стихотворении с недвусмысленным названием «Трагедия», написанном осенью 1917 года – то есть в ходе революции. Ответ на вопрос Гамлета «Отец! Куда ты ветер гонишь?» звучит так: «О, Гамлет! Двигаются буруны // В неистлевающем мозгу. // Я над тобой, седым и юным, // Ночное Царство берегу». Но, видимо, ответ Отца (Бога?) не удовлетворяет героя, чувствующего, что мир сдвинулся с прежней оси и грозит перевернуть всё, что ещё вчера казалось устойчивым. Отсюда и резкий жест Гамлета, символически означающий этот переворот:

И выйдет отрок с книгой странной,
Сжимая в верных пальцах нож,
Дабы на хартии раздранной
Построить замысла чертёж.
[Антокольский, 2010, с. 96]

Трактовать смысл этого жеста можно и реально, и символически; противоречить друг другу эти толкования, кажется, не будут. С одной стороны, здесь возникает ассоциация с привычным для девятнадцатого столетия способом обращения с новой книгой, когда страницы в ней читатель должен был разрезать специальным ножом. С другой стороны – «раздранная хартия» не очень похожа на аккуратно разрезанную книгу. Очевидно, что осенью 17-го года «хартия» старого мира уже не просто уходит в прошлое – она, если учесть экспрессивное поэтическое определение («раздранная»), гибнет под «ножом» революции. Стихотворение Антокольского предвосхищает своей «ножевой» символикой и строки Николая Тихонова 1921 года: «Нож сломанный в работе не годится, // Но этим чёрным, сломанным ножом // Разрезаны бессмертные страницы» («Мы разучились нищим подавать...», 1921) [Тихонов, 1981, с. 92]. – и слова Юрия Живаго из романа Пастернака: «Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы!» [Пастернак, 1991, с. 185].

Но почему Гамлет парадоксально назван в этом стихотворении «седым и юным»? А ниже мотив юности ещё усилен за счёт слова «отрок», то есть вообще почти ребёнок. Определение «седой», возможно, означает традицию давнего присутствия этого героя в культурной памяти. Ну а слово «юный»

ассоциируется с новой эпохой, которую он в данном стихотворении собою олицетворяет. Думается, не стоит искать в этих стихах оценочную характеристику революции. Герой и поэт находятся внутри этого бурного времени, сдвинувшего привычные жизненные опоры, и куда вынесет стихия – не ясно пока никому.

Добавим, что наиболее распространёнными переводами пьесы в дореволюционные годы были переводы Н. Полевого и А. Кронеберга, и можно предположить, что молодой Антокольский пользовался одним из них. Впрочем, классическая фраза «Слова, слова, слова» есть и там и там, только Полоний в обоих переводах обращается к Гамлету не «милорд» (как позже будет у Пастернака), а «принц» (это же обращение – «принц» – обнаруживаем в ещё одном классическом переводе трагедии, принадлежащем перу М. Лозинского).

Второй автор, обратившийся к эпизоду чтения Гамлетом книги, – Владимир Высоцкий. В 1972 году, вскоре после премьеры «Гамлета» в Театре на Таганке, где поэт-актёр сыграл главную роль, им было написано стихотворение «Мой Гамлет». В этом лирико-философском монологе мир предстаёт в своей сложности и парадоксальности; необходимые лирическому герою чёткие жизненные ориентиры ускользают от него, оборачиваясь вечным «быть или не быть». Стихотворение анализировалось уже не раз; обращались к нему и мы [Кулагин, 2013, с. 117–124; Колмогорова, 2013; Ярко, 2019]. Не повторяя сказанного прежде, рассмотрим именно те строфы, в которых «Гамлет» Высоцкого предстаёт перед нами читающим. Во-первых, мотив чтения возникает уже в начальных строфах стихотворения, готовящих перемену в сознании лирического героя, которого вот-вот начнёт тяготить роль «наследного принца крови»:

Я знал: мне будет сказано: «Царуй!» –
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжег.
И я пьянел среди чеканных сбруй,
Был терпелив к насилью слов и книжек.
[Высоцкий, 1991, т. 2, с. 64]

В черновом варианте последний стих выглядел иначе: «Избавлен от насилья слов и книжек» [Владимир Высоцкий: архивы рассказывают, 2017, с. 6]. Как видим, мотив зависимости от «насилья книжек» поэт усилил. Этот мотив – а точнее сказать, мотив уже не «насилия», а бессилия книжек – будет ниже подхвачен и сварьирован в строфах, где «Гамлет» предстаёт перед нами уже пережившим внутренний перелом. И хотя прямой отсылки к той сцене пьесы у Высоцкого нет – несомненно, именно её, единственную «книжную» сцену в шекспировской трагедии, он держит в уме, создавая вот эти строки:

Я прозревал, глупея с каждым днём,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век, и люди в нём
Не нравились, – и я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный как паук,
Всё постигал: недвижность и движенье, –
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду – им опроверженье.
[Высоцкий, 1991, т. 2, с. 65]

Здесь лейтмотивом оказывается ложное чтение. Оно не даёт ответа на мучающие героя вопросы. Поэтому единственная в руках шекспировского Гамлета книга как бы множится, оборачивается чтением вообще. Оно в стихотворении Высоцкого утрачивает смысл тотально, ибо «опроверженье» книгам («мыслям и наукам») универсально, человек наталкивается на него «повсюду». Эта мысль созвучна «шекспировско-высоцкому» ощущению «вывихнутого (расшатанного) века». Созвучен ему и глагол «зарылся» («и я зарылся в книги»), придающий чтению какой-то стихийный, а в итоге и вовсе бессмысленный характер. В книги надо не «зарываться», а «вникать». Но вникать в *эти* книги – не получалось. В них, добавим здесь от Шекспира, – только *слова, слова, слова*. Обратившись к финалу «Моего Гамлета», мы видим, что герой так и остаётся наедине с неразрешимыми проблемами бытия: «А мы всё ставим каверзный ответ // И не находим нужного вопроса».

Е. Колмогоровой и нам приходилось – параллельно и независимо друг от друга – отмечать [Колмогорова, 2013, с. 69; Кулагин, 2013, с. 166], что мотив «нужного/ненужного» чтения позже отзовется у Высоцкого и будет им переосмыслен в написанной для фильма «Стрелы Робин Гуда» «Балладе о борьбе» (1975). Если в «Моём Гамлете» герой был, несмотря на окружение «друзей по школе и мечу», одинок, то автор «Баллады о борьбе» говорит от лица целого поколения, выросшего на книгах: «Липли волосы нам на вспотевшие лбы, // И сосало под ложечкой сладко от фраз, // И кружил наши головы запах борьбы, // Со страниц пожелтевших слетая на нас». И когда наступает проверка героев, их книжный опыт претворяется в реальное поведение, в реальную борьбу: «Если путь прорубая отцовским мечом, // Ты солёные слёзы на ус намотал, // Если в жарком бою испытал что почём, – // Значит, нужные книги ты в детстве читал!» [Высоцкий, 1991, т. 1, с. 497–498] Так мотив чтения становится одним из путей выхода из «гамлетовских» духовных тупиков. Всё-таки чтение – если это чтение «нужных», то есть правильных книг – благотворно и путеводно. Но бывает ли вообще чтение «ненужное»? В «Балладе...» смысловой водораздел

проходит в другой плоскости – не между «нужным» и «ненужным» чтением, как это было в «Моём Гамлете», а между достойным и недостойным жизненным выбором; во втором случае никакого чтения и не предполагается. Просто – «значит, в жизни ты был ни при чём, ни при чём!» По умолчанию следует, что все книги, которые были прочитаны героями песни в детстве, – книги «нужные». Таков поэтический ответ героев «Баллады о борьбе» герою «Моего Гамлета». Связь двух этих произведений подкрепляется, на наш взгляд, как общим для них мотивом «мяса с ножа» («мясо ел с ножа» – «если мяса с ножа ты не ел ни куска»; отмечено А. В. Скобелевым [Скобелев, 2020, с. 31]), так и общим историческим европейским колоритом: в одном случае это шекспировская Дания и её наследный принц, в другом – английское средневековье и благородный разбойник. Очевидно, что в обоих случаях этот колорит прозрачно скрывает то, что волнует человека эпохи Высоцкого и отражает внутренний опыт самого поэта.

Третий поэт, откликнувшийся на сцену из «Гамлета», – Александр Кушнер. Вообще в его стихах мотивы этой трагедии звучат многократно. Им посвящена наша специальная статья [Кулагин, 2018], в которой мы немного касались и интересующего нас в данном случае стихотворения – «Какую книгу он читал, об этом...» (2014; датировка – авторская [Александр Кушнер: материалы к библиографии, 2021, с. 45]). Не повторяя уже сказанное в той работе, отметим следующее. Стихотворению предпослан эпитафия, взятый из перевода М. Лозинского: «Гертруда: Вот он идёт печально с книгой, бедный...» [Шекспир, 1983, с. 175]. Стихотворение как бы вырастает из этой цитаты:

Какую книгу он читал, об этом
 Нам не сказал Шекспир – и мы не знаем.
 Читал! При том что сцена грозным светом
 Была в то время залита; за краем
 Земного мира тоже было мрачно,
 Там бледный призрак требовал отмщенья.
 И всё же – с книгой, с книгой! Как удачно,
 Что мы его застали в то мгновенье.
 [Кушнер, 2019, с. 458]

Слово «застали» очень точно передаёт суть поэтического зрения Кушнера вообще. Зачастую его стихотворение возникает из какого-то мгновенного впечатления, словно выхваченного из мира природы, быта, искусства, даже сна². Для

² См. зачины многих его стихотворений, например: «Кто едет в купе и глядит на метель...» (1978), «Мне приснилось, что всем мы сидим за столом...» (1994), «Я свет на веранде зажгу...» (2007).

нашей темы особенно показательно навеянное очерком Бунина «Освобождение Толстого» стихотворение Кушнера «Это Бунин зашёл к старику Толстому...» (2008). Автор очерка застал Толстого читающим собственное произведение: «Небольшая неловкость. Старик смутился. // Зачитался – и некуда спрятать книгу. // О, как миг этот Бунину пригодился! // А как мы благодарны! Спасибо мигу» [Кушнер, 2011, с. 225]. Так и здесь: Гамлет пребывает в том мгновении, которое подсказывает характерный для поэзии Кушнера ход лирической мысли: «А в чём ещё найти он утешенье // Мог, если всё так губительно и дико? // И нам везло, и нас спасало чтение, // И нас в беде поддерживала книга!». Кстати, и в стихотворении о Бунине и Толстом чтение (хотя это чтение «самого себя») тоже по-своему спасительно: «И когда тебе грустно, когда напрасна // Жизнь и однообразны её сюжеты, // Почитай самого себя, беспристрастно, // Как бы со стороны, как с другой планеты». Лирический герой Кушнера вообще много читает, и функции чтения в его стихах разнообразны [Кулагин, 2017, с. 84–86]; но в любом случае читаемая (обычно классическая) книга, включаясь в сознание современного человека, резонирует с современной жизнью, без чего чтение не имеет смысла. Цитата из «Гамлета» в финале стихотворения закольцовывает развитие лирического сюжета³. Чтение – это ещё и своего рода момент истины для героя: здесь Гамлет, несмотря на то, что вынужден сейчас «маскироваться под безумного» перед Полонием, оказывается самим собой (он абсолютно откровенен наедине с книгой). Пребывание героя на сцене наедине с книгой длится в самом деле «мгновенье», и это в буквальном смысле слова *момент* истины: не успел герой войти, как услышал первый вопрос Полония, и дальше ему читать уже не дадут. Успел ли он до встречи с Полонием «уйти отсюда в вымысел заветный хотя б на час...» (Кушнер)? Поэт играет здесь прямым и переносным значениями слова «идти/уйти»: Гамлет буквально «идёт» с книгой по сцене, но при этом «уходит» (или хотя бы мечтает «уйти») в заветный вымысел. Ключевая строка стихотворения: «И нас в беде поддерживала книга!». Переживаемые Гамлетом «грозный свет», «мрак», «отмщенье» словно переходят в другую эпоху – эпоху лирического героя. Множественное число «И нас...» расширяет личный опыт лирического героя до опыта общего. Ситуация универсальна, как универсальна и вся гамлетовская коллизия. Добавим, что мотив сцены, залитой «грозным светом», был предвосхищен у Кушнера в стихотворении «Перед войной. Воспоминание» (1984), навеянном фильмом Алек-

³ Если его завязкой считать эпиграф: «Уйти отсюда в вымысел заветный // Хотя б на час, в другую обстановку. // “Вот он идёт печально с книгой, бедный”, // Безумье отложив и маскировку».

сея Германа «Мой друг Иван Лапшин»: «Стол бутылками заставлен. О, какое освещение // Багровое! Подглядывать нельзя» [Кушнер, 2019, с. 206]. Здесь, кстати, есть и мотив «подглядывания». Между тем стихотворение 84-го года исходит из трагического исторического опыта не шестнадцатого, а двадцатого века, и переключки между двумя стихотворениями лишний раз подчёркивают общечеловеческий характер шекспировской пьесы и сцены чтения, в частности⁴.

Заметим ещё, что читаемая Гамлетом книга у Шекспира в самом деле не названа, но всё же кое-что мы о ней узнаём. «Каналья сатирик, – напомним ещё раз слова Гамлета в ответ на вопрос Полония о содержании книги, – утверждает, что у стариков седые бороды, лица в морщинах, из глаз густо сочится смола и сливовый клей...» (и так далее) [«Гамлет» Бориса Пастернака, 2002, с. 94]. То есть, книга – сатирическая. Конечно, едва ли стоит понимать это «содержание» буквально: Гамлет говорит Полонию то, что он *хочет* ему сказать; при этом книга в руках героя может быть любая – ведь заглядывать за переплёт собеседник не будет. Но Кушнер как бы не замечает этих слов Гамлета по другой причине: ему в стихотворении такая конкретика – и вообще конкретика – не нужна, она тоже нарушала бы трагическую недосказанность лирического сюжета. Здесь важен сам факт чтения⁵.

Так три разных поэта, каждый по-своему, прочитывают знаменитую сцену. У Антокольского она оказывается созвучна эпохе больших социальных потрясений; у Высоцкого – становится знаком неразрешимых жизненных вопросов (а с учётом «Баллады о борьбе» – «нужного» жизненного выбора); у Кушнера – моментом истины и откровенности героя, к которой располагает именно чтение. Возможно, поэтический потенциал этой сцены ещё не исчерпан.

⁴ Очевидно, что стихотворение, навеянное конкретной «гамлетовской» строкой, возникло в ходе перечитывания трагедии. Рискуём предположить, что выбор перевода именно Лозинского оказался для Кушнера счастливым. Перевод Пастернака: «А вот бедняжка с книжкой и сам» – вряд ли вдохновил бы поэта на стихи. Здесь тон и, соответственно, сам образ принца с книгой явно снижен за счёт уменьшительных суффиксов. Ощущения трагизма эта, звучащая вольно или невольно иронически, цитата сама по себе не создавала бы. Другое дело – у Лозинского: «печально», «бедный».

⁵ Любопытно, что и фраза «Слова, слова, слова» у Кушнера тоже звучит, но вместо ожидаемой иронии мы слышим своеобразную лирическую апологию «самой пошлой фразы», «болтовни» и её «сбивчивости» – то есть речи как уникальной приметы жизни на Земле: «Слова, слова, слова... но где ещё в блестящих // Пространствах нежилых звучит живая речь, // Притягивающих и противостоящих // Нас, нам... сто раз собьюсь, стараясь смысл сберечь» [Кушнер, 1986, с. 25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Александр Кушнер: материалы к библиографии** / сост. А. В. Кулагин. – Москва: Булат, 2021. – 180 с.
2. **Антокольский, П. Г.** Далеко это было где-то...: стихи; пьесы, автобиогр. повесть / сост., публ., коммент. А. Тоома, А. Тоом / П. Г. Антокольский. – Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. – 463 с.
3. **Ашукин, Н. С.** Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – Изд. 4-е, доп. – Москва: Художественная литература, 1988. – 525 с.
4. **Владимир Высоцкий: архивы рассказывают.** Вып. 12 / сост. Ю. В. Гуров и др. – Новосибирск: Вертикаль, 2017. – 222 с.
5. **Высоцкий, В. С.** Сочинения: в 2 т. / сост. А. Е. Крылов / В. С. Высоцкий. – Москва: Художественная литература, 1991.
6. **Гамлет: вариации:** по страницам русской поэзии / сост. Ю. А. Рознатовская. – Москва: Центр книги Рудомино, 2012. – 304 с.
7. **«Гамлет» Бориса Пастернака:** версии и варианты перевода шекспировской трагедии / сост. и подгот. текста В. Поплавского. – Москва; Санкт-Петербург: Летний сад, 2002. – 256 с.
8. **Колмогорова, Е.** Поэтика стихотворения В. С. Высоцкого «Мой Гамлет» / Е. Колмогорова // В поисках Высоцкого. – 2013 (апр.). – № 8. – С. 65–72.
9. **Кулагин, А. В.** Гамлетиана Александра Кушнера / А. В. Кулагин // Слово семь заветных струн...: статьи о бардах, и не только о них / А. В. Кулагин. – Коломна: ГСГУ, 2018. – С. 155–182.
10. **Кулагин, А. В.** К проблеме культурной традиции: основные мотивы и ситуации / А. В. Кулагин // Кушнер и русские классики: сб. статей / А. В. Кулагин. – Коломна: ГСГУ, 2017. – С. 83–102.
11. **Кулагин, А. В.** Поэзия Высоцкого: творческая эволюция. – Изд. 3-е, перераб. / А. В. Кулагин. – Воронеж: Эхо, 2013. – 230 с.
12. **Кушнер, А. С.** Дневные сны: книга стихов / А. С. Кушнер. – Ленинград: Лениздат, 1986. – 88 с.
13. **Кушнер, А. С.** По эту сторону таинственной черты: стихотворения, статьи о поэзии / А. С. Кушнер. – Санкт-Петербург: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. – 544 с.
14. **Кушнер, А. С.** Посещение: избранные стихи / А. С. Кушнер. – Санкт-Петербург: Союз писателей Санкт-Петербурга; Геликон Плюс, 2019. – 512 с.

15. **Пастернак, Б. Л.** Доктор Живаго: роман / Б. Л. Пастернак. – Москва: СП «Интердом», 1991. – 526 с.

16. **Скобелев, А. В.** Из материалов к комментированию текстов песен В. С. Высоцкого: песни для фильма «Стрелы Робин Гуда» / А. В. Скобелев // В поисках Высоцкого. – 2020 (дек.). – № 41. – С. 18–32.

17. **Тихонов, Н. С.** Стихотворения и поэмы / сост. В. А. Шошин. – Ленинград: Советский писатель, 1981. – 800 с.

18. **Шекспир, У.** Гамлет / пер. М. Лозинского / У. Шекспир // Ромео и Джульетта [и др. пьесы] / У. Шекспир. – Москва: Правда, 1983. – 672 с.

19. **Ярко, А. Н.** Роль Гамлета в художественном мире Владимира Высоцкого / А. Н. Ярко // Владимир Высоцкий – поэт, актёр, певец: сб. научных статей. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2019. – С. 7–16.

REFERENCES

1. **Aleksandr Kushner: materialy k bibliografii** / sost. A. V. Kulagin. – Moskva: Bulat, 2021. – 180 s.

2. **Antokol'skii, P. G.** Daleko ehto bylo gde-to...: stikhi; p'esy, avtobiogr. povest' / sost., publ., komment. A. Tooma, A. Toom / P. G. Antokol'skii. – Moskva: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2010. – 463 s.

3. **Ashukin, N. S.** Krylatye slova / N. S. Ashukin, M. G. Ashukina. – Izd. 4-e, dop. – Moskva: KHudozhestvennaya literatura, 1988. – 525 s.

4. **Gamlet: variatsii:** po stranitsam russkoi poehzii / sost. YU. A. Roznatovskaya. – Moskva: Tsentr knigi Rudomino, 2012. – 304 s.

5. **«Gamlet» Borisa Pasternaka:** versii i varianty perevoda shekspirovskoi tragedii / sost. i podgot. teksta V. Poplavskogo. – Moskva; Sankt-Peterburg: Letnii sad, 2002. – 256 s.

6. **Kolmogorova, E.** Poetika stikhotvoreniya V. S. Vysotskogo «Moi Gamlet» / E. Kolmogorova // V poiskakh Vysotskogo. – 2013 (apr.). – № 8. – S. 65–72.

7. **Kulagin, A. V.** Gamletiana Aleksandra Kushnera / A. V. Kulagin // Kulagin A. V. Slovo sem' zavetnykh strun...: stat'i o bardakh, i ne tol'ko o nikh. – Kolomna: GSGU, 2018. – S. 155–182.

8. **Kulagin, A. V.** K probleme kul'turnoi traditsii: osnovnye motivy i situatsii / A. V. Kulagin // Kulagin A. Kushner i russkie klassiki: sb. statei. – Kolomna: GSGU, 2017. – S. 83–102.

9. **Kulagin, A. V.** Poehziya Vysotskogo: tvorch. Ehvolutsiya. Izd. 3-e, pererab / A. V. Kulagin. – Voronezh: Ekhho, 2013. – 230 s.

10. **Kushner, A. S.** Dnevnye sny: kniga stikhov / A. S. Kushner. – Leningrad: Lenizdat, 1986. – 88 s.
11. **Kushner, A. S.** Po ehtu storonu tainstvennoi cherty : stikhotvoreniya, stat'i o poezii / A. S. Kushner. – Sankt-Peterburg: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2011. – 544 s.
12. **Kushner, A. S.** Poseshchenie : izbrannye stikhi / A. S. Kushner. – Sankt-Peterburg: Soyuz pisatelei Sankt-Peterburga; Gelikon Plyus, 2019. – 512 s.
13. **Pasternak, B. L.** Doktor Zhivago: roman / B. L. Pasternak. – Moskva: SP «Interdom», 1991. – 526 s.
14. **Shekspir, U.** Gamlet / per. M. Lozinskogo // Shekspir U. Romeo i Dzhul'etta [i dr. p'esy]. – Moskva: Pravda, 1983. – 672 s.
15. **Skobelev, A. V.** Iz materialov k kommentirovaniyu tekstov pesen V. S. Vysotskogo: pesni dlya fil'ma «Strely Robin Guda» / A. V. Skobelev // V poiskakh Vysotskogo. – № 41. – 2020 (dek.). – S. 18–32.
16. **Tikhonov, N. S.** Stikhotvoreniya i poehmy / sost. V. A. Shoshin. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1981. – 800 s.
17. **Yarko, A. N.** Rol' Gamleta v khudozhestvennom mire Vladimira Vysotskogo / A. N. Yarko // Vladimir Vysotskii – poeht, akter, pevets: sb. nauchnykh statei. – Grodno: GRGU im. Ya. Kupaly, 2019. – S. 7–16.
18. **Vladimir Vysotskii: arkhivy rasskazyvayut.** Vyp. 12 / sost. Yu. V. Gurov i dr. – Novosibirsk: Vertikal', 2017. – 222 s.
19. **Vysotskii, V. S.** Sochineniya: v 2 t. / sost. A. E. Krylov. – Moskva: KHudozhestvennaya literatura, 1991.